

44

20 НОМ 1958

Газета Татарстан
Казань

Толстой — это

Годы открытий...

ВЕКОВАЯ МУДРОСТЬ

(Окончание. Начало на 1 стр.)

не заинтересовали. Не удовлетворило его и преподавание истории. В изложении профессора Иванова это был перечень не связанных друг с другом событий, имен, дат, перемешанных фразами в духе официальной реакционной идеологии «самодержавия, православия и народности». Лев Николаевич начал пропускать лекции, публично высказывая недовольство тем, что профессор даже не пытается проследить закономерность исторических событий, их взаимосвязь.

Стоит заметить, что человек, назвавший будущего автора «Войны и мира» совершенно безуспешным в истории, был, как это выяснилось в наши дни, агентом третьего отделения императорской канцелярии — тайной политической полиции.

Юридический факультет, на который перешел Лев Николаевич, состоял как на подбор из пустых и бездарных профессоров. Отец Гавриил читал, помимо богословия, психологию и логику. Профессора — немцы Винтер и Камбек блистали незнанием русского языка — на лекции они являлись с затрепанными тетрадами многолетней давности. Поляк Станиславский читал без малейших изменений статьи свода законов — вставить свое слово ему запрещалось, чтоб не внести ересь в чистоту идей русского государственного права. Разумеется, Толстой быстро охладил к науке права, в которой надеялся найти объяснение «странного и неясного в жизни».

Он разочаровывается в «науке», которая преподается в университетских кафедрах. Между тем в жизни Толстой все чаще встречается со «старинами и нестаринами». Однажды на балу его отаровал своим благородством начальник местного гарнизона полковник Корейша. А утром на Арском поле он наблюдал дикушу сцену — тот же полковник руководил свирепой расправой, прогнав «сквозь строй» солдата-татарина. На первой странице своего дневника, который был начат Толстым в Казани, он записал: «Я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души».

Показательно и меняющееся отношение Толстого к церковным догмам, в духе которых он воспитывался с ранних лет. «Помню — вспоминал он впоследствии, — что в день первого моего экзамена в университете я гулял по Черному озеру, молился богу о том, чтобы выдержать экзамен, и, заучивая тексты катехизиса, ясно видел, что весь катехизис этот — ложь». В годы студенчества Лев Николаевич, по его собственным словам, «уже ни во что не верил».

В поисках объяснения «странного и неясного» Толстой обращается к книгам. Он много читает, особенно увлекается произведениями Гоголя. Пробует Лев Николаевич и писать — сохранилось несколько статей на философские темы, среди студентов ходили слухи, что Толстой написал драму.

Постепенно у Льва Николаевича появляются новые товарищи. «Новые товарищи» — так и называются одна из последних глав «Юности», рассказывающая о сближении Толстого со студентами-разночинцами. Они «читали гораздо больше», они «лучше и яснее», чем студенты-дворяне, судили о литературе.

Из числа передовых студентов-разночинцев в университете возникает кружок. В состав его вошли братья Андрей и Николай Бекетовы, П. П. Пекарский, Н. М. Благовещенский, В. В. Берви. Все они стали впоследствии известными учеными, а по произведениям Берви (писавшего под псевдонимом «Н. Флеровский») К. Маркс изучал русский язык. Эта группа передового студенчества оказала определенное влияние на Льва Николаевича.

Так, В. Берви-Флеровский был близок с Толстым. Впоследствии Лев Николаевич писал о нем, как о «своем казанском товарище». В Берви уже тогда думал прежде всего о том, как стать «полезным человеком». Об этом он рассказывал в своих воспоминаниях.

Новые товарищи помогли молодому Толстому понять, что владыка мира сидит или «мерзавца», именно с их помощью «я еще, еще и все ужаснее открывался вещи».

В конце 1845 года на юридический факультет приехал молодой преподаватель Дмитрий Иванович Мейер. Это был один из образованнейших людей своего времени. Воспитанный на идеях Великого, он быстро сошелся с кружком казанского передового студенчества, стал во главе его. Мейер был горячим противником крепостного права. С исключительным гражданским мужеством он утверждал с университетской кафедры, что «крепостным необходимо дать свободу». Он говорил студентам о своей вере «в близость переворота во внутренней жизни нашего отечества», переворота, который бы уничтожил «ненормальные отношения к крепостным».

Мейер сыграл огромную роль в воспитании передового казанского студенчества. Не случайно впоследствии Чернышевский и Добролюбов писали о Мейере, как о человеке, который «может гордиться земля наша».

Однажды Мейер обратился к Пекарскому — одному из наиболее близких к нему студентов: «Вы знакомы с Толстым?». И Мейер рассказал о впечатлениях, которые произвел на него Лев Николаевич на экзамене. Несмотря на то, что экзамен был выдержан далеко не блестяще, Мейер отпустил Толстого убежденным, что тот может стать «замечательным человеком».

Мейер предложил Толстому сделать анализ «Наказа» Екатерины II. Этот научный труд молодого Толстого сохранился. В нем он пишет о деспотизме и «рабстве», как основном эле русской жизни. «В нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, пока будет существовать рабство», — записывает Толстой. Он разоблачает лицемерие Екатерины II.

Лев Николаевич писал, что он, назвав «занятая» сочинением о «Наказе» Екатерины и от этого сочинения перейти к сочинениям философских статей, увлекался этим занятием так, что для того, чтобы ничто не мешало его занятиям, вышел из университета...».

Но главная причина выхода из университета заключалась не в этом. В эти годы одна волна крестьянских выступлений прокатывалась вслед за другой. В 1842 году движение государственных крестьян захватило несколько уездов. В нем участвовало около 120 тысяч человек. Следующие дни были ознаменованы «картофельными бунтами». При подавлении их крестьян, как записал в дневнике один из современников, «били и кололи как свиней, даже в убежищах, куда они скрывались, отнимали все, что у них находили...». Как умели и как могли, крестьяне боролись с помещиками. Они убивали наиболее ненавистных господ, поджигали барские имения. Под влиянием борьбы крестьян развивалась вся передовая общественная мысль.

В этих условиях Лев Николаевич делает определенный вывод — надо ехать в деревню, отдать все силы на то, чтобы сделать жизнь своих крепостных счастливей. Он живет в плену иллюзий о единстве интересов помещика и крестьян, мечтает быть добрым и хорошим баринном. Известно, что иллюзии Толстого потерпели полный крах, но это было уже следующим этапом в большом и сложном пути великого художника.

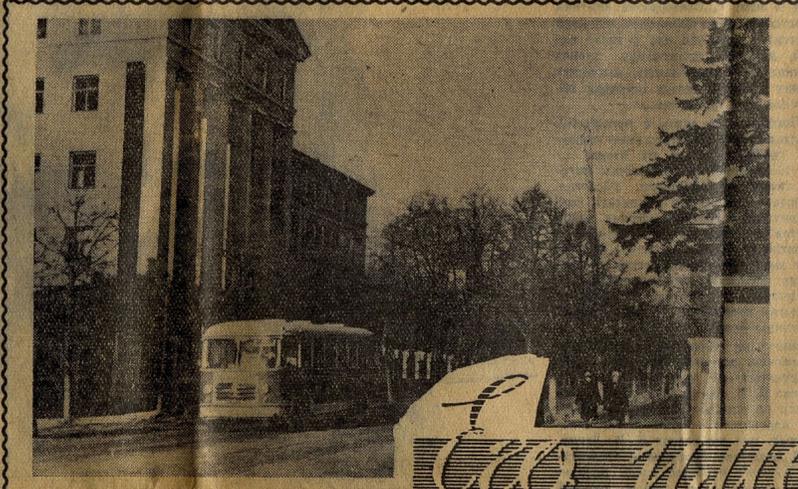
Профессор Мейер и новые товарищи-разночинцы помогли Толстому сбросить оковы традиционно-дворянских идей и представлений, сделать многие из тех «открытий», которые открывают «великое развитие великого писателя».

В апреле 1847 года Толстой уехал из Казани. Потребовался исторический опыт еще нескольких десятилетий, чтобы он окончательно поправ с обществом, к которому принадлежал, и обринулся со страстной критикой на все государственные, церковные, общественные порядки, основанные на порабощении масс.

Именно в нашем городе в студенческие годы Лев Николаевич Толстой сделал свои самые первые шаги в этом направлении.

Е. БУШКАНЕЦ

Кандидат филологических наук.

Город еще спит. Белесый туман заволакивает невысокие дома, снег подтаивает на бульварных мостовых. Лишь звезда по улице тихо промчится — залетающая с полуспающим седоком — застывает балов возвращаются в свои теплые дома. Не спят «рабочие» люди — помогают дворники. Неважно переругиваясь, один почти волоком тащат на себе сани, другие орудуя метлой и скребком.

Горенатый юноша в распухнутой студенческой шинели не спеша бредет по Грузинской улице. Искоса посмотрел на седока, лениво развалившегося в пролете, усмехнулся. Он и сам час назад возвращался с бала. Сон не шел, юноша бродил по городу. Пустынный центр, он еще не отстроился после большого пожара.

Вот и городская черта. За институтом благородных девиц начался лес, густой, невзрачный, а там поле, дорога в Арск, дорога в Сибирь.

И вдруг в предутренней тишине раздались странные свистящие звуки. Впереди темнело что-то большое. Студент почти побежал. И вот перед ним страшная картина.

«И мелком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека».

Много событий пришлось пережить бышему казанскому студенту. Но впечатление юности, проведенной в Казани, на всю жизнь отложило отпечаток. Впоследствии Лев Николаевич записывает в своем дневнике, что здесь, в Казани, при всей внешней пустоте великосветской праздничной жизни, он в первый раз понял, что ему «надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало ее».

«Трехэтажный, светлой окраски дом. На нем мемориальная доска: «Великий писатель Лев Николаевич Толстой жил в этом доме в 1845—1846 годах». Племник графини Пелагеи Ивановны Юшковой Левушка занимал комнату за хорами наверху».

Здесь собирались не легкие и серьезные повести, а серьезные люди, которые в свои 16—17 лет о многом думали, много пересматривали. Споры по философии, на завечную тему — в чем смысл жизни, в чем ее правда, — все это отложило отпечаток на впечатлительную душу юного Толстого.

В родновском институте благородных девиц воспитывалась сестра Льва Николаевича Мария. Левушка был здесь желанным гостем. И больше всего его ценили не за любовь па в мазурке, а за русские сказки, которые он рассказывал с непревзойденным блеском.

На этой окраинной улице жил

КАК БЫ НИ БЫЛ СЛОЖЕН и противоречив этот неповторимый старик с абсолютной бородой и большими внимательными глазами, как бы ни была наивна и смешна его непротыкаяющая проповедь «непротивления злу насильем», мы помним гениальный анализ Ленина, назвавшего Толстого — зеркалом русской революции.

Да, Толстой выразил всю силу гнева миллионов русских крестьян, поднявшихся против крепостничества и отчаяние тех же миллионов, не знающих, какими путями идти, чтобы одолеть нового врага — капитализм.

Толстой — художник так недостижимо огромным, так колоссально необъяснимо его искусство проникать в самые глубины психики своих героев, что он кажется мне редкостной губкой, вбирающей в себя вековую мудрость и талантливость своего народа.

Мне посчастливилось играть всего Толстого. В 1923 году я принимал уча-

стие в спектаклях «Плоды просвещения» и «Власть тьмы». Потом играл Протасова в «Живом трупе». Зрители всегда принимали спектакли восторженно. И это понятно. У scenicных образов Толстого огромный подтекст, дающий безграничный простор творчеству актера.

Достаточно сослаться на Акима во «Власти тьмы». Этот космический крестьянин так произносит «тае», «не тае», что зрительный зал замирает от волнения.

Хочу привести еще два примера необычайной зажитательной силы толстовского слова. В 1941 году мы с артистом Ф. В. Григорьевым читали отрывки из «Войны и мира».

Казань. Затеменная, тревожная. Наша армия отступает. Немцы взяли Казань. В нетолченом зале сидят рабочие, колхозники, солдаты. Газа расширена. Лица отчаянно-решительные и какие-то горько-счастливые. Да, это было именно выражение

счастья, рожденного словом Толстого, поднимавшего в людях веру в бессмертие России.

Мы читали «Народ в Красном» и «Бородинское сражение». В груди у меня — до сих пор помню — сверкнула, обдала, злость и уверенность в победе правды над ложью и извержением. Вероятно, так мне больше никогда не удалось читать. Солдаты вскопчили, кричали «ура» и весь зал тремел и неистовствовал. Это сделали не мы, это сделал Лев Николаевич Толстой.

Несколько лет назад в Москве, на конференции сторонников мира, я был свидетелем, как один оратор вместо речи про читал вступление к «Воскресению».

Это произвело огромное впечатление. Так Толстой говорит сегодня и помогает нам отстоять мир от войны.

Николай ЯКУШЕНКО.
Народный артист СССР.

Габдулла ТУКАЙ

СЛОВА ТОЛСТОГО

Если скромно он жил — не маете от том человек. Плачет кровью порой тот, кто в роскоши прожил свой век.

Богатей чрезмерно, пойми, в чем удачи исток: У безвестных страдальцев ты отнял последний кусок.

Лень работать тебе? Спишу гнуть нехота! — Тогда — Попрошайню стань иль жирей от чужого труда.

Знаешь ты, отчего и еда у богатых вкусней? Соль и перец, что в ней — слезы бедных, несчастных людей.

ЖИВОЙ РОДНИК ПРЕКРАСНОГО

...И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценны и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, увзвненных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования.

Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

...Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по своему, мировое значение русской революции.

В. И. ЛЕНИН.

Нет человека, более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного, да, да, во всем. Прекрасного в каком-то особом смысле, широком, неуловимом словом; в нем есть нечто, всегда возбудившее у меня желание кричать всем и каждому: смотри, какой удивительный человек живет на земле!..

...Пушкин и он — нет ничего величественнее и дороже нам...

М. ГОРЬКИЙ.

Лев Толстой в своей статье о смертной казни высказал то, что у всех нас, русских, накоплено на душе и что мы по молодости или неумению не высказали до сих пор. Прав Лев Толстой — лучше летать или тюрьма, нежели продолжать безмолвно ежедневно узнавать об ужасных казнях, поворачивающих нашу родину, и этим молчанием как бы соучаствовать им.

Миллионы десятки миллионов людей, несомненно, подпишутся теперь под письмом нашего великого гения и каждая подпись выразит собою как бы вопль измученной души.

Н. РЕПИН.

Считаю Л. Толстого единственным непревзойденным по гениальности писателем.

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Для меня Лев Толстой — один из четырех главных и любимых: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Л. Толстой... Лев Толстой — это академия для каждого писателя.

А. Н. ТОЛСТОЙ.

Лев Толстой навсегда останется в русской и мировой литературе величайшей, недостижимой вершиной.

М. ШОЛОХОВ.

Лев Толстой известен, как беспощадный реалист, срыватель всех и всяческих масок. Но Толстой, величайший писатель России, дал целую галерею положительных образов.

А. ФАДЕЕВ.

Наше отношение к Толстому — это больше, чем любовь, ощущение полной невозможности представить себе, чтобы в литературе не было Толстого с его неумолимой, непобедимой силой проникновения в жизнь, трудно даже помыслить, как бы развивалась наша литература, попросту говоря, как бы мы все писали, если бы не было Толстого!

К. СИМОНОВ.

Лев Толстой — мировая школа литературного искусства. Это русская литературная школа, вызвавшая небывалое широкое течение художественной мысли на земном шаре. Это школа, в которой наша советская литература черпает животворное познание искусства и вдохновение к своим новым трудам о новом человеке.

Толстой никогда не состарится. Он из тех гениев искусства, слово которых — живая вода. Источник бьет неиссякаемо. Мы снова и снова прибаваем к нему, и нам кажется — мы еще ни разу в жизни не пили такой прозрачной, такой чистой, свежей воды.

К. ФЕДИН.